

«ИРКУТСКАЯ ИСТОРИЯ»

тема без защитной оболочки «своей» девчонки», когда она влюбляется ему, еще не зная, что это только готовая любовь и все более и более несчастливой от какой-то внутренней освободительности от того, что нет нужды «вертеться», кем-то притворяться, вести с людьми и с собой сложную и неинтересную игру...

А ЛЕКСЕЙ АРБУЗОВ написал, а театр имени Вахтангова поставил пьесу о том, как три человека — «слушатели» — жергелили они для дурные» — жергелили в середине XX века там, где строилась мощная гидроэлектростанция. О строительстве в пьесе говорится как будто мало и очень много о любви: во и строится на Ангаре и «середины XX века» — не фон для лирической истории, рассказанной писателем. Памятью о времени и о делах времени определен в пьесе весь строй размышлений о жизни, о людях, о любви.

Этот раздумья всего важнее в драме для самого автора. Отсюда главная ее особенность. Являя, что театр не решился последовать первой ремарке пьесы «Иркутская история»: «На площадке расположились хор и действующие лица драмы. Вероятнее всего, им следует разместиться очень свободно и разнообразно — ведь каждый будет погружен в свои мысли... Итак, все посидит несколько минут молча, в задумчивости. Затем начнется разговор».

Драматург не случайно хотел бы видеть героев, ушедших вперемежку с людьми из хора, как не случайно и то, что он вообще пожелал ввести хор на подмостки, где произойдут встречи, радости и печали людей в корбоях и брезентовых робах, совсем не похожих на персонажей античной трагедии. Для автора все происходящее с этими обыкновенными героями и очень интимно и очевидно. Поэтому так торжественно датирует он действие пьесы: «середины XX века», а рядом дает самые обыкновенные интонации, оговаривая житейские подробности. Хор — это как будто очень торжественно; но хор заинтересован в частных делах героев, он рядом с ними, это, по автору, люди, такие же, как мы с вами и как персонажи «Иркутской истории» (поэтому то не стоило одевать хор в парадно-театральные черные костюмы, заставляя его подчас конферировать, вместо того чтобы раздумывать вслух...).

Даже в самом названии пьесы — оттенок тех же «двух планов», отсылающих Арбузовым. История как летопись, как анализ эпохи; и история в обычном житейском значении — интересная история, трогательная история...

Еще третий оттенок заложен в арбузовском заглавии: «Иркутская история», а не «Случай под Иркутском», не «Это было на Ангаре». Иначе сказать, уже названием писатель предупреждает нас, что он предлагает не кусок жизни, выхваченный непосредственно на действительности, а именно «историю». В пьесе есть эпизод, который следует понять как ключевой. На берегу Ангара, неподалеку от Иркутска, бродит приезжий человек. Он не появился до сих пор, хотя действие уже перевалило к концу, и не появится в дальнейшем. Приезжий по профессиональным привычкам приглядывается и не торопится расспрашивать: просто бродит по мезанинному ему пока местом, строит предположения о людях, увидевших лишь издали: «Какая между ними связь? Почему эти люди так меня занимают?» Приезжий садится подальше, а сцена, о содержании и смысле которой он только что судил, возникает, как бы приближенная и объективнее. Вот они, герои, вот их голоса, их мысли, их переживания. А прохожий, следя за ними глазами, так и не знает в точности, о том ли они толковали, что подумалось ему, какие ли они, какими ему представлялись... Может быть, они такие. Может быть. Эта лирическая предположительность взаимного прищипывания на сцене утверждения жизненной непреложности того, что показывается, во многом определяет и решение самой пьесы и краски талантливого спектакля вахтанговцев.

Режиссер Евгений Симонов и художник И. Сумбатшадзи (его участие в редкости существенно) ставят спектакль. Редкость, спектакль-беседу со зрителем — простотой для зрителя особой наглядности, душевной подготовленности и вступлению в серьезному разговору.

В спектакле нет обычной последовательности событий. Сцена вначале открыта до самой своей глубины, оттуда ослепло спускается к рампе дощатый помост — на сцене ничего нет. По помосту медленно идут навстречу девушка и двое парней. Они видят нас, так же как мы видим их. Они выходят на авансцену, где расположился хор, и перебывают в огромно его слова: «История, о которой пойдешь речь, это...» — «История, моей жизни». — «И мой». — «Моя тоже». — «Меня зовут Вал», — «Меня — Виктор». — «А меня звали Сергеем». Падает освещение, чуть повернется ужим помост и станет спуском в режиссуру. За светится фонарь. Фонарь «настоящий», столб даже не очищен от коры, и перьям мостков настоящие. А все остальное только чуть намечено световой проекцией: зеленая мгла бланкой тапки, уходя-

щая наискосок линии высоковольтной передачи, две строповые сосны, уходящие около проспекта. Этот принцип работы художники сохраняются на протяжении всего спектакля. Как будто память героев, вспоминающих и обучающих историю своей жизни, какие-то подробности (фонарь, перья, крутлый рукомойник на столбе около общежития) сохраняются с совершенной вестественностью, а остальное видится, как в тумане. Но разговор на мостках под холодным несезонным дождем — не начало, а конец истории. Она разворачивается как бы обратным ходом. И действие будет опять и опять прерываться то лирическими отступлениями хора, то его раздумьями, то распросами, с какими хор обратится к действующим лицам.

ТАК ПОМЕТ перед нами спектакль вахтанговцев — интимный и приподнятый, достоверный и условный, чувствительный и задумчивый. Пройдет жизнь касирши из предмежья Валыки, которую играет Юлия Борисова, жизнь хорошего малого, мастера-шагашиниста с шагающего экскаватора Сергея, которого играет Михаил Ульянов, и жизнь Витки Бойцова, элетричка с шагающего — его играет Юрий Любимов.

Вероятно, если бы касирша Валыка была не выдумкой Арбузова и не созданием артистки Борисовой, она назвала бы — понади она в зал театра — спектакль вахтанговцев спектаклем про любовь. Да, это про любовь. Про то, чем она может стать в жизни. Про то, как она может сделать тебя человеком.

Касирша Валыка в жизни не слишком верит в нее, в любовь. Впрочем, это не столько убеждение, сколько манера говорить, стиль разсуждений. Ю. Борисова очень точно схватила эту особенность, отличающую ее героиню, да и вообще тип человеческий тип, к которому относится Валентина. Умная боязливая выжидательная, если тебе что-то врезается понравится. Попробуй фильм. Валыка скажет: «Ничего было не сумно». Задает воображение добрый и щепетильный человек, с которым свести тебя судьба. Валыка с усмешкой заметит: «А о смелости, этот машинист». Когда же для собеседника даже и в этом замечании прозвучит Валыкина заинтересованность, а она скажет: «Смотри не люблю». Валентина фыркает: «Очень надо». В таком тоне она говорит и с парнем, которому нравится: не словами, а все словечками: шуточка в ответ на шуточку, ты не всерьез и я не всерьез. Слушаешь их разговор, и кажется, что слова им нужны, чтобы друг от друга отторгивались, чтобы не подпустить к себе человека поближе.

Борисова находит множество штрихов, множество Валыкиных приспособлений, позволяющих девочке казаться людям и самой себе самоуверенной, разбитой и неунывающей. Валыка все придумала себе — и дерзкую посылку с каблучка, и приветственный жестик (дескать, «надеюсь с истинностью»), и блестящую блямбушку, приколоченную к жакету: она придумала всю себя и, так сказать, «живет в образе» «своей девчонки». И Виктор Бойцов, с которым она гуляет, тоже «живет в образе», ведя себя с Валыкой, как полагается «своейкому парню» вести себя со «своей девчонкой».

Сергей Сергеев не врет в утешение Вале, когда говорит ей, что Виктор до сих пор прозвонит ее имя. Но когда Валентина спросит его об этом, Виктор ухмыляется: «Еще не хватало». И когда она неожиданно заявляет, что решила идти замуж, Виктор лениво оборвет: «Не смеши».

Потом, когда Валыка станет женой Сергея, когда Виктор окажется не в силах ее забыть, он все будет раздражать себя вопросом: была ли с него любовь? Вале с горькой строгостью скажет, что не было: «Так, гулял-веселился». Но она не совсем права. Была любовь, которую сами Виктор и Валыка не дали стать любовью, не доверившись ей, как они не доверяли самим себе — настоящим, выдумывая себя — «своейски», разбитыми...

Почему целительно для непутевой Валыки чувство Сергея? Не только потому, что Сергей Сергеев, машинист с шагающего, сумел простить девушке ее дурную славу, сумел уважать ее и научил ее уважать самое себя: не только потому, что Сергей назвал женой ее, к кому уже успела придвинуть кличка «Валыка-дешенка». Прислушаемся, как идет в спектакле их первый разговор. Сергей — М. Ульянов не то, что не умеет в том же стиле парировать лжи шуткой Валыки: он просто не хочет играть в этаким словесным пинг-понг. С Сергеем а жизнь Валентины входит прежде всего естественность: естественность и открыто выходящий лад души. Рядом с Сергеем являла я во что «играть», собственной сердечной правдивостью он как бы обманывал собеседника и тому же.

Сергей делает Валыку человеком не потому, что он «подмывает» ее изнутри, а потому, что он заставляет ее быть самой собой. Это, казалось бы, всего легче, но это вообще-то трудно. В какую-то минуту, без всех своих шутек и словесных Валыка в полной растерянности. Борисов на удивительно трогательна в момент, когда ее Валыка оказывается перед Се-

роль НАПИСАНА специально для Борисовой, а одновременно расчете на ее мастерство характерной актрисы и на лиричность ее дарования. И история Валентины рассказана с вахтанговской сцены с грацией и пропитанностью.

Заметная актерская удача — выступление М. Ульянова. Эта удача тем более значима, что Сергей в пьесе Арбузова — не знаю, идеальный ли герой, но совершенно хороший человек. Персонаж этот в чем-то сродни, пожалуй, создателю Аде из «Валдыра о солдате» и Борису Воронину из «Летят журавли». Характеры этих действительно вполне прекрасных юных людей написаны а сыграны с той мерой жизненной достоверности, без которой герой никогда не может стать примером для подражания. Ульянов а спектакле вахтанговцев играет с наибольшей мерой быстрой правды, и в том, что режиссера именно так распределил свои усилия, очень верный расчет; очень важно было подтвердить житейскую несомненность этой фигуры, просто лишний раз сказать: конечно, такие совершенно хорошие люди вовсе не выдумка.

Итак, Валыка впервые сказала бы об «Иркутской истории»: «Это про любовь». Человек становится лучше, когда в глазах другого он стоит чуть выше того, что он являет собою на самом деле. Так любовь помогает человеку стать лучше. Или, как несколько выспренно сказано в начале действия, «любвию, человек расширяется, как цветет на свете». Но мысль пьесы ведь не ограничивается ее первой фразой! И не потому ли Арбузов торопится заставить ее прозвучать сразу, чтобы и ней не свети все содержание его истории?

Любовь любовно. Но главное, человек становится лучше, когда дело его «хотит» лучше, чем он сам. Сергей скажет об этом жене, уговаривая Валентину пойти в батонщики или подобной из экскаватор: но он имеет в виду не только ее, Вале, и не только большую или меньшую нужность той или иной работы в индустриализации. Раздумья его шире. Сергей задумается: «Не могу вырваться», и Арбузов на этот раз не спешит герою на помощь. Не спешит именно потому, что ему особо дорога эта мысль, что ею-то он пронизывает все действие.

Дело, которое мы все сообща делаем, строительство коммунизма — это дело, которое лучше, чем каждый из нас в отдельности. Это дело, которое изменяет каждого из нас к лучшему тем вернее, чем непосредственнее мы ему служим. Вот мысль, которая сквозит в пьесе Арбузова. Потому то так торжественно определено автором время ее действия — середина XX века, потому то появляется праздник значительности в заглавии — «Иркутская история».

Ирина СОЛОВЬЕВА.